

Платоновский диалог как форма репрезентации философского мышления: поэтика текста и атомистическое чтение корпуса

Руслан Игоревич Французов

К. ф. н., Южный федеральный университет, Институт философии и социально-политических наук

francuzov@sfedu.ru

Аннотация: Данная статья направлена на рассмотрение платоновского диалога как особой формы репрезентации философской мысли, в котором смысловое наполнение неразрывно связано с формальной структурой произведения. Проблема исследования сводится к определению правильного подхода к интерпретации Платона: следует ли воспринимать его как разработчика цельной философской системы или как философа, выражающего свои идеи через структуру повествования, динамику диалога, звучание персонажей, сарказм, притчу и незавершенность аргумента. Демонстрируется невозможность полноценного осмысления учений Платона только через «извлечение» их из текстов отдельных диалогов. Такого рода подход сужает внутренний потенциал текста и нивелирует важность формы диалога как такового. Рассматривается, в частности, и поэтика этого подхода, которая дает возможность воспринимать диалог уже не как форму готовой мысли, а как процесс ее формирования. Апория, как одна из концов диалога, здесь трактуется не как провал рассуждения, но напротив; она выступает в качестве напряженного итога философского разворота: даже если поначалу заданный вопрос остается без ответа – выявляется иное, куда более глубокое, поэтически нагруженное измерение, конституирующее диалог не просто в качестве носителя рационально осмысляемой содержательной темы, но и как форму с предикатом невысказанного очарования. Это дает возможность пересмотреть само понимание феномена диалога и в этой связи проиллюстрировать целесообразность умеренно атомистического прочтения платоновского корпуса.

Ключевые слова: платоновский диалог, философское мышление, поэтический подход, апория, атомистическое чтение

The Platonic Dialogue as a Form of Representation of Philosophical Thought: The Poetics of the Text and an Atomistic Reading of the Corpus

Ruslan Igorevich Frantsuzov

Candidate of Philosophical Sciences, Southern Federal University, Institute of Philosophy and Social and Political Sciences

francuzov@sfedu.ru

Abstract: This article aims to examine the Platonic dialogue as a unique form of representing philosophical thought, in which the meaning is inextricably linked to the formal structure of the work. The research problem boils down to determining the correct approach to interpreting Plato: should he be viewed as the architect of a coherent philosophical system, or as a philosopher who expresses his ideas through narrative structure, dialogic dynamics, the voices of his characters, sarcasm, parables, and the incompleteness of his arguments? The study demonstrates the impossibility of fully comprehending Plato's teachings solely by "extracting" them from the texts of individual dialogues. Such an approach narrows the text's intrinsic potential and undermines the importance of the dialogue form itself. In particular, the author examines the poetics of this approach, which makes it possible to perceive the dialogue not as a form of a finished thought, but as the process of its formation. Aporia

here is by no means interpreted as a failure of reasoning; on the contrary, it emerges as the hard-won, tense result of a philosophical shift: even if the initially posed question remains unanswered a different, far deeper, poetically charged dimension is revealed, constituting dialogue not merely as a vehicle for a rationally comprehensible substantive theme, but also as a form imbued with the allure of the unsaid. This makes it possible to reexamine our very understanding of the phenomenon of dialogue and, in this context, to illustrate the appropriateness of a moderately atomistic reading of Plato's corpus

Keywords: platonic dialogue, philosophical thought, poetic approach, aporia, atomistic reading.

© Р.И. Французов (Ростов-на-Дону). francuzov@sfedu.ru. Южный федеральный университет. Южный Полюс 15 (1) (2026) DOI: 10.18522/2415-8682-2026-15-7-14

Значимость личности Платона для европейской философии и мировой интеллектуальной культуры сложно переоценить. Имя афинского мыслителя, «...который первый назвал себя философом» [1, с. 11], давно вышло за пределы истории античной философии; его наследие стало одной из устойчивых точек опоры, через которые европейская традиция снова и снова возвращалась к вопросам об истине, душе, знании, справедливости, воспитании, государстве, любви и самом устройстве мышления. В более широком культурном смысле оно оказалось своего рода зеркалом [2, с. 26], формой интеллектуального соотнесения, в которой наличная жизнь человека, через акт обращения к более широкому целому, связывалась с прошлым, выраженным в мифе и памяти, и с будущим, даруемым через предсказание оракула, сохраняемым в надежде как напряженное ожидание иной полноты бытия и, проходя через формы религиозного воображения, обретающим очертания в утопическом представлении о прекрасном порядке, еще не данном в опыте, но уже открываемом неутомимым рациональным поиском.

Обусловленность указанного пассажа, несмотря на свою удивительность, а оттого и чарующую притягательность, базируется на ряде особенностей. Эти особенности выступают своего рода атрибутами восприятия афинского мудреца и являются своеобразной аксиологической линзой, сквозь которую все, что связано с Платоном, – от обстоятельств его рождения до предполагаемого эзотерического аспекта его интеллектуального наследия, – если и не является полностью неизвестным, то постоянно оказывается на границе факта, позднейшего толкования и почти мифического совпадения. Поэтому мало удивительного в том, что древнегреческая, а затем и поздневизантийская традиция окружила Платона особым почитанием: его фигура наделялась эпитетом «божественный» [3, с. 112], а у Георгия Гемиста Плифона, одного из последних крупных византийских философов-платоников, основатель Академии ставился выше основателя Ликейя, поскольку «наши предки, как эллины, так и римляне, ценили Платона гораздо выше, чем Аристотеля» [4, с. 192].

При этом не стоит подходить к этому разделению строго. В противном случае наши попытки разобраться обречены либо на «догматические» узы методологического сна, либо на море эклектического хаоса. И первый, и второй вариант результативно пусты, методологически бессмысленны и в целом для исследования вредны, а оттого и излишни.

Важно иметь в виду иное. И у Платона есть строгая философская аргументация, и у Аристотеля – возвышенная метафизика; оттого проблема заключается не в самих идеях, которые исследователь выделяет из их «философских систем», а в самом подходе к пониманию и чтению литературного наследия древнегреческих мыслителей. Чтение не сводится к нейтральному обращению к тексту: оно предполагает определенный горизонт понимания, задает интеллектуальное пространство интерпретации и заранее организует тот способ, в котором философская мысль становится видимой для последующей традиции.

В контексте обращения к платоновскому корпусу это обретает особое значение, поскольку множество диалогов, самым фактом принадлежности одному автору, с одной стороны, обеспечивает единство передаваемого мировоззрения, а с другой – так или иначе

вступает в методологическое и тематическое противоречие друг с другом. Тем самым возникает центральный вопрос, от решения которого зависит само восприятие того, что можно называть «философией» Платона [5, с. 390], и, более того, возможность говорить о платоновской философии как о внутренне едином феномене. В самом общем смысле его можно выразить следующим образом: как следует читать Платона – как систематического философа или как автора самостоятельных художественно-философских текстов?

Поставленная таким образом проблема, доводящая методологическое напряжение в обращении к диалогам до предельного состояния «или-или», тем не менее нуждается в уточнении. Ее действительное содержание раскрывается не в противопоставлении систематического и художественно-философского прочтения, а в раскрытии статуса самого диалога как особым образом организованной формы философского письма; его организационного единства, где композиция, драматическая ситуация, последовательность реплик, распределение голосов и характер завершения – в общем, все то, что можно называть элементами «диалогической ситуации», – выступают не внешними признаками текста, а внутренними условиями его смысловой организации. В этом смысле Платон может быть понят не только как создатель философской аргументации, но и как мыслитель, который «...превратил греческую религию в драматическую интерпретацию человеческой жизни, в предмет для поэта и художника» [6, с. 52].

В данном отношении платоновский диалог нельзя понимать сугубо как литературную форму для заранее готового философского содержания. Мысль обретает определенность внутри самого диалогического строя, где движение к смыслу зависит от организации беседы и от ее завершения, не всегда сводимого к сугубо логическому разрешению заявленной собеседниками проблемы. Как с досадой замечает Сократ, обращаясь к Евтифрону, по имени которого и назван соответствующий диалог: «Уходишь, лишая меня великой надежды узнать от тебя о благочестивом и нечестивом...» (Euthphr. 16a). Указанный эпизод неслучаен. Он показателен, поскольку даже если завершение диалога входит в структуру философского смысла, поскольку уход Евтифона обнаруживает предел достигнутого понимания и невозможность окончательного ответа, то в художественно-поэтическом отношении эта незавершенность получает особую выразительность. Логический обрыв начинает восприниматься иначе, поскольку в нем появляется притягательная недосказанность, не позволяющая вопросу закрыться вместе с окончанием беседы и сохраняющая напряжение даже после последней реплики. В этой перспективе обращение к корпусному единству платоновских текстов, к их хронологии или к реконструкции общего учения оказывается преждевременным без предварительного анализа самого диалога. Сначала необходимо понять, как отдельный текст собирает собственное смысловое пространство. Не как фрагмент будущей системы, а как завершенное художественно-философское целое, где композиция, порядок реплик, драматическое напряжение, фигура собеседника и сам способ окончания участвуют в образовании смысла. На этом основании можно сформулировать исходное исследовательское предположение, согласно которому если платоновский диалог представляет собой самостоятельное художественно-философское целое, в котором элементы диалогической ситуации обладают смыслообразующей функцией, то интерпретация Платона должна начинаться с автономного анализа отдельного диалога и лишь затем переходить к вопросу о междиалогических связях, развитии мотивов и возможной систематизации платоновской мысли.

В обобщенном виде данное предположение позволяет определить цель дальнейшего исследования. Она заключается в выявлении методологического потенциала такого способа чтения, при котором отдельный диалог рассматривается как первичная единица анализа, а поэтический подход к платоновскому письму получает продолжение в атомистической интерпретации платоновского корпуса. В рамках данной логики необходимо показать, каким образом внимание к форме диалога меняет саму процедуру историко-философского анализа, какие ограничения возникают при автономизации отдельного текста и при каких условиях

атомистическое чтение может быть соединено с последующим междialogическим сопоставлением.

В таком случае исходным пунктом дальнейшего анализа становится не отвлеченный вопрос о том, существует ли у Платона единая философская система, а вопрос о корректной последовательности интерпретативных процедур. Тем самым проблема смещается глубже, и важен уже не простой выбор между систематическим и атомистическим прочтением, а сама возможность избежать методологической поспешности, при которой платоновский корпус заранее принимается либо за готовую систему, либо за совокупность полностью изолированных текстов. Отсюда возникает необходимость в предварительном прояснении того затруднения, которое можно определить как «диагноз, раскрывающий суть проблемы, который приводит к тупиковой ситуации при интерпретации, и связанное с ними средство от страха перед интерпретацией» [7, с. 163].

Между тем, платоновский корпус слишком легко принять за уже собранное целое; между тем еще В XIX в. обращали внимание на то, что «...платоническая сумма в целом чем-то напоминает причудливые сочетания животных, описанные в греческой мифологии, – совокупность различных и несхожих между собой индивидуальностей, которые кажутся единым целым, потому что заключены в одну и ту же внешнюю оболочку» [8, с. 215].

В указанной перспективе до перехода к реконструкции общих мотивов платоновской мысли необходимо понять, каким образом отдельный диалог организует собственное смысловое пространство.

Иными словами, сначала должен быть рассмотрен сам текст: его композиция, драматическая ситуация, состав участников, характер речей, движение аргументации, место мифа, иронии и апоретического завершения. И только после этого возможно обращение к более широкому контексту платоновского корпуса.

Такой порядок анализа принципиально важен, поскольку платоновский диалог не является нейтральной формой изложения уже готового учения [9, с. 86]. Если трактат предполагает относительно прямое движение от тезиса к доказательству, то диалог у Платона действует иначе: он не просто фиксирует результат мысли, а показывает само ее становление, столкновение, задержку и внутреннее напряжение. Философское содержание здесь не отделено от ситуации речи, потому что мысль раскрывается не в безличном пространстве отвлеченного рассуждения, а в конкретной сцене беседы, где значение имеют участники, порядок вопросов, характер ответов и даже сама неустойчивость достигнутого результата. Он устроен как событие мысли, в котором понятия, доказательства и сама сцена разговора оказываются не разведенными уровнями философского письма, а элементами, которые «...драматически связаны своей общей исторической структурой...» [10, с. 6], благодаря чему философское содержание раскрывается не вне диалогической ситуации, а через нее. Реплика персонажа, последовательность вопросов, пауза, смена интонации, появление мифа или неожиданный финал не служат внешним украшением текста [11, с. 101]. Они участвуют в самой работе философского смысла. Поэтому попытка сразу извлечь из диалога «позицию Платона» часто оказывается слишком прямолинейной: она устраняет ту внутреннюю сложность, ради которой диалогическая форма и была избрана.

Но если форма диалога не является внешней оболочкой мысли, то каким образом следует понимать ее философское значение?

Здесь и раскрывается актуальность поэтического подхода. Под ним следует понимать не эстетизацию Платона и не превращение его в поэта в узком литературном смысле. Речь идет о другом: о признании того, что художественная организация текста у Платона имеет философскую функцию. Диалог мыслит не только через тезисы, но и через собственное построение. Смысл возникает на пересечении аргумента, образа, характера, мифа и драматического движения беседы. Поэтому «Пир» нельзя свести только к учению об эросе, «Федр» – только к рассуждению о душе и письме, а «Государство» – только к трактату о

справедливости и политическом устройстве. В каждом из этих случаев философская мысль развивается через особую композицию текста.

Поэтический подход позволяет увидеть, что форма у Платона не подчинена содержанию как второстепенный способ его передачи. В этом отношении платоновские диалоги следует понимать «...не просто художественные формы, а формы мышления, каждая из которых лучше других приспособлена для представления и концептуализации определенных аспектов опыта...» [11, с. 3]. Она не обслуживает мысль. И не просто придает ей выразительность. Она задает ее сцену, ее ритм, ее внутреннюю оптику. Через форму мысль получает пространство собственного испытания. Она становится видимой в столкновении голосов, в паузах, в задержках ответа, в нарушениях ожидаемого хода рассуждения. Иногда – в мифе. Иногда – в иронии. Иногда – в странной незавершенности, которая оказывается содержательнее готового вывода. Поэтому форма у Платона работает не как внешняя рамка, а как особый способ раскрытия содержания, которое, собственно, к самому замыслу этого содержания напрямую не относится. Она заставляет мысль проявляться не сразу, не прямой формулой, не итоговым тезисом, а через сопротивление материала, через чужую речь, через сбой привычного понимания.

В этом смысле диалог становится не сосудом для доктрины, а особым режимом философского напряжения, где истина не выдается как результат, а проступает через драму самого поиска. Собеседники входят в него не как нейтральные носители аргументов, а как фигуры уже сложившегося мнения, привычки, самоуверенности, интеллектуальной инерции. Эта инерция подвергается испытанию. Вопрос нарушает ее устойчивость, противоречие вскрывает ее слабые места, а дальнейшее движение беседы постепенно лишает прежнюю очевидность ее самодостаточности и в конечном счете «...разрушает эту уверенность, показывая, что предполагаемое знание... пусто» [12, с. 35].

Поэтому платоновский диалог не сообщает готовый результат. Он создает ситуацию смыслового смещения: переводит читателя от уверенности к затруднению, от видимости знания – к более строгому и почти болезненному вопрошанию.

Поэтический подход позволяет увидеть, что форма у Платона не подчинена содержанию как второстепенный способ его передачи. Напротив, она задает саму возможность философского исследования. Собеседники входят в диалог с уже имеющимися представлениями, но в ходе разговора эти представления подвергаются испытанию. Готовое мнение сталкивается с вопросом, затем – с противоречием, а после этого теряет первоначальную очевидность. Поэтому платоновский диалог не просто сообщает читателю определенный результат. Он вовлекает его в движение мысли, заставляет пройти путь от уверенности к затруднению, от видимости знания к необходимости более строгого вопрошания, что «...побуждает к новым вопросам и стимулирует их появление» [12, с. 61].

На этом основании поэтический подход естественно переходит в атомистический/ Если каждый диалог обладает собственной композицией и внутренней драматургией, то его нельзя сразу рассматривать как фрагмент заранее известной системы. Он должен быть понят в своей автономии. Это означает, что «Евтифрон» следует читать прежде всего как самостоятельную сцену проверки благочестия, «Лахет» – как самостоятельное исследование мужества и пределов практического опыта, «Ион» – как анализ вдохновения и профессионального знания, «Пир» – как сложную последовательность речей об эросе, а не как простую иллюстрацию платоновской доктрины любви.

Такое чтение особенно существенно для понимания апоретических диалогов. В них центральный вопрос часто не получает окончательного решения. Собеседники не приходят к строгому определению благочестия, мужества, рассудительности или добродетели. При систематическом подходе подобная незавершенность может восприниматься как недостаток: диалог будто бы не достигает того положительного учения, ради которого он был написан. Однако атомистическая перспектива позволяет увидеть иной смысл апории [7]. Диалог может быть завершен не через готовый ответ, а через преобразование самого отношения к вопросу.

В этом отношении апория оказывается не слабостью платоновского текста, а одной из форм его философской работы. Она показывает, что прежняя уверенность разрушена, ложные определения выявлены, а вопрос поставлен точнее, чем в начале разговора. Сократ не просто отрицает ответы собеседника и не заменяет их собственной догмой. Он создает ситуацию, в которой неподлинное знание становится невозможным. Поэтому финальное затруднение имеет не только логическое, но и педагогическое значение: оно переводит участника беседы и самого читателя в состояние философской настороженности, когда «...мы должны быть начеку, чтобы не попасться на удочку его характерной риторики и стремления к убедительности» [7, с. 186]. Апория демонстрирует факт уничтожения предыдущего знания, обнаружение ошибочных определений и более точную постановку вопроса чем это было в начале диалога. Сократ не отменяет ответы оппонента и тем самым не наполняет его место своей истиной. Он выстраивает такие условия, при которых подлинное знание не может быть сформулировано. Однако автономия отдельного диалога не должна превращаться в его изоляцию. В этом состоит главное ограничение радикального атомизма. Если каждый текст Платона читать полностью отдельно от других, исчезает возможность увидеть устойчивые мотивы, проходящие через весь платоновский корпус: тему души, блага, знания, воспитания, справедливости, красоты, философской жизни. Повторяемость этих мотивов нельзя автоматически превращать в жесткую систему, но нельзя и игнорировать. Хотя платоновские диалоги отличаются в плане композиции, интонации, задач и даже философских проблем, которые они поднимают, единство персональной приписываемости разнообразных текстов обуславливает и схожесть затрагиваемых вопросов.

Как представляется, именно умеренная форма атомизма наиболее приемлема, поскольку такой атомизм с одной стороны не игнорирует взаимосвязь платоновского наследия, а с другой стороны не предполагает начать исследование с готового представления «теории Платона». Каждый диалог сначала воспринимается отдельно как произведение искусства и философии.

Каждый диалог сначала мы воспринимаем отдельно как произведение искусства и философии. Затем выявленные в нем мотивы сопоставляются с другими диалогами. И только после этого становится возможной осторожная реконструкция более устойчивых линий платоновской мысли. Такой порядок позволяет сохранить как автономию конкретного текста, так и перспективу междиалогического анализа. Следовательно, поэтический и атомистический подходы не следует противопоставлять друг другу. Поэтический подход раскрывает философскую значимость формы, а атомистический защищает отдельный диалог от преждевременного растворения в общей доктрине. Их соединение позволяет читать Платона не как автора обычных трактатов и не только как создателя литературных сцен, а как мыслителя, у которого философия осуществляется в форме художественно организованного диалога. – в этой форме понятие, образ, спор, миф, ирония и апория становятся элементами единого философского движения.

Таким образом, обобщая все вышесказанное, сделаем ряд выводов. Во-первых, при анализе диалогов Платона прямое, преимущественно доктринальное прочтение едва ли может быть признано достаточным. Оно, безусловно, обладает высоким эвристическим потенциалом, связанным с соотношением идей, выраженных в диалоге, с реальной «жизненной драмой» Платона; позволяет обозначить возможную авторскую позицию. Вместе с тем такой способ изложения обедняет текстовую динамику, нивелирует драматургическую напряженность диалога и пытается выдернуть из него застывшую доктрину там, где намерение текста – удерживать смысл в динамике письма, в форме, которая сложнее и не дает себя схватить сразу. Платоновский текст этому противится. Собственно, его философская нагруженность появляется не просто в теоремах-высказываниях – тезис, доказательство, понятие – но и в композиции, в драматургии дискуссии (расстановка персонажей, стиль речевых реплик, сценическая пауза, ирония, миф, неожиданный поворот интонации); в той самой незавершенности, которая не упраздняет философскую наценку, а лишь делает ее менее

прямой, более обременительной и открытой к дальнейшему размышлению. Следовательно диалог можно рассматривать как произведение искусства самостоятельно, отдельно от всей системы и не как литературная форма для уже готового учения. Из этого вытекает идея о том, что чтобы понять все сочинения Платона нужно сначала разобраться в чем заключается каждый диалог представляет собой художественно философский труд сам по себе.

Во-вторых, поэтический подход к платоновскому корпусу позволяет увидеть, что философская мысль у Платона раскрывается не вне художественной организации диалога, а через нее; форма здесь работает как отдельный фон, как некое смыслообразующее контекстуальное пространство, которое в принципе позволяет «беседе» как факту и разговору как содержанию данного факта состояться, поэтому отдельный диалог нельзя сводить к краткому набору «идей Платона», поскольку его необходимо читать как событие мысли, где философия осуществляется через движение беседы, сопротивление собеседников и постепенное разрушение мнимой очевидности.

В-третьих, особого внимания заслуживает феномен «апории». Она уже не может пониматься только как недостаток диалога, как след незавершенности философской работы или как простая остановка рассуждения там, где ожидался положительный ответ. Напротив, апоретический финал часто оказывается внутренне необходимым результатом самого движения мысли; прежние мнение разрушено, ложная уверенность поколеблена, вопрос поставлен точнее, но окончательный ответ еще не дан. И в этом, как представляется, особое, удивительное очарование ряда диалогов.

Общение как будто не доходит до итога, но уже меняет саму возможность дальнейшего понимания, которое актуализируется не только некоторой формой «недовольства» от незавершенности, но и даже своеобразным переживаемым трагизмом недосказанности. Своего рода эхом пустоты.

В-четвертых, наиболее продуктивной оказывается не радикальная изоляция каждого диалога и не поспешное растворение всего платоновского корпуса в единой «системе Платона», а умеренное атомистическое чтение. Не крайность, а, скорее, – порядок осторожного приближения к тексту; сначала отдельный диалог должен быть услышан в собственной интонации, в своей внутренней драме, в особом ходе мысли, где значение имеет не только итог, но и путь к нему, не только сказанное, но и задержанное, не только тезис, но и сама сцена философского разговора. Лишь затем возможно сопоставление. Уже после этого можно говорить о повторяющихся мотивах, смысловых переключках, устойчивых линиях платоновской мысли и той связности, которая не навязывается тексту извне, а постепенно обнаруживается в самом движении от одного диалога к другому. Такой порядок сохраняет автономию отдельного текста. И без «разрезания» корпуса на произвольные фрагменты. Держит в напряжении соотношение актуального диалога с широкой историко-философской перспективой, в рамках которой платонический принцип выступает не постулатом, не системой, не завершённой теорией – а выводимым постепенно соотношением связей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бриссон Л. Платон. Писатель, который изобрел философию. М. 2019. 288 с.
2. Драч Г.В. Античная культура и европейская цивилизация: идеи М.К. Петрова // Научная мысль Кавказа. 2023. № 2 (114). С. 26-34.
3. Петрици И. Рассмотрение платоновской философии и Прокла Диадоха. М. 1984. 286 с.
4. George Gemistos Plethon. De Differentis // Woodhouse C. M. George Gemistos Plethon. The Last of the Hellens. Oxford: Claendon Press, 1986. 191-214 p.
5. Kraut R. Plato // Encyclopedia of classical philosophy / ed. D. J Zeyl. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1997. 387-413 p.
6. Randall J.H. Plato: dramatist of the life of reason. New York, Columbia University Press, 1970. XIV, 274 p.

7. Schofield M. *How Plato Writes: Perspectives and Problems*. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. X, 308 p.
8. Grote G. *Plato and the Other Companions of Socrates*. London: John Murray, 1865. XXXIX, 564 p.
9. Corlett J.A. *Interpreting Plato's Dialogues*. Las Vegas: Parmenides Publishing, 2005. XII, 137 p.
10. Blondell R. *The Play of Character in Plato's Dialogues*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 452 p.
11. Nightingale A. W. *Genres in Dialogue: Plato and the Construct of Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. XIV, 228 p.
12. González F.J. *Dialectic and Dialogue: Plato's Practice of Philosophical Inquiry*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1998. X, 418 p.

REFERENCES:

1. Brisson L. *Platon. Pisatel kotory izobriel filosofiyu* [Plato. A Writer who invented a philosophy]. Moscow: Rosebud Publishing, 2019. 288 p. (In Russian)
2. Dratch G.V. *Antichnaya kul'tura I evropeyskaya tsiviliztsia: idei M.K. Petrova* [Ancient culture and European civilization: the ideas of M.K. Petrov]. In: *Scientific Thought of Caucasus*. 2023. № 2 (114). P. 26-34. (In Russian)
3. Petritsi I. *Rassmotrenie platonovskoi filosofii i Prokla diadokha* [Consideration of Plato's philosophy and Proclus Diadochus]. Moscow: Mysl', 1984. 286 c. (In Russian)
4. George Gemistos Plethon. *De Differentis*. In: Woodhouse C. M. *George Gemistos Plethon. The Last of the Hellens*. Oxford: Claendon Press, 1986. P. 191-214.
5. Kraut R. *Plato*. In: *Encyclopedia of classical philosophy*. Eds. D. J Zeyl. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1997. P. 387-413.
6. Randall J.H. *Plato: dramatist of the life of reason*. New York, Columbia University Press, 1970. XIV, 274 p.
7. Schofield M. *How Plato Writes: Perspectives and Problems*. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. X, 308 p.
8. Grote G. *Plato and the Other Companions of Socrates*. London: John Murray, 1865. XXXIX, 564 p.
9. Corlett J.A. *Interpreting Plato's Dialogues*. Las Vegas: Parmenides Publishing, 2005. XII, 137 p.
10. Blondell R. *The Play of Character in Plato's Dialogues*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 452 p.
11. Nightingale A. W. *Genres in Dialogue: Plato and the Construct of Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. XIV, 228 p.
12. González F.J. *Dialectic and Dialogue: Plato's Practice of Philosophical Inquiry*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1998. X, 418 p.